

«Заказ» на историю?

В этой небольшой вводной статье я коротко изложу некоторые свои размышления и наблюдения, которые, возможно, так или иначе акцентируют основные моменты заявленной сборником темы, в конечном счете, сводящейся к изучению взаимоотношений исторического знания и власти. Итак, в этом издании мы постараемся определить, что такое «заказ» на историю, чем он отличается от запроса на историю или ее востребованности в обществе? Какие факторы определяют его формирование и почему? Кто выступает в роли заказчика? Как соотносятся «заказ» и научная основа познания прошлого? Наконец, какую роль играет «заказ» в истории исторического знания?

Как известно, историческое мышление, то есть осмысление человеком своего прошлого, и историческое знание, составленное из множества фрагментов того, что нам известно (а не того, что было), образуют основу человеческих действий. Вне зависимости от того, насколько полно или фрагментарно историческое знание, именно на его базе складывается система ценностных суждений о настоящем через прошлое, именно оно служит критерием упорядочения знаний о мире и играет важнейшую роль в формировании мировоззрения. Из исторического знания рождается конкретный «образ истории». Он всякий раз индивидуален, субъективен, но в целом вписывается в общую картину представлений о прошлом, свойственную определенной социальной группе, определенному культурному типу, определенной эпохе¹. Таким образом, подчеркнем, каждая социальная группа, культурный тип, эпоха являются носителями своего конкретного образа прошлого.

¹ Бобкова М.С. 2011. URL: <http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/04/9f913bbf73a24737adc4df1804071f427dfbd805.pdf> (дата обращения 06.06.2014)

Но тем не менее, во все времена значительную, если не решающую, роль в формировании социально значимого образа прошлого играла власть, реализуемая в рамках различных политических, идеологических, религиозных, научных, образовательных, культурных стратегий и приоритетов.

Историческое знание существует в нескольких значимых сегментах общества. Конкретизируем некоторые из них: научный сегмент – это профессиональная история, институализированная в рамках академических учреждений и университетских кафедр; образовательный – история, как элемент общего гуманитарного образования; информационный – история как источник многочисленных фактов и сведений о прошлом; культурный – посредством истории формируются и передаются разнообразными традициями общества, на основе истории происходит национальная самоидентификация и посредством истории она транслируется. Формы презентации исторического знания тоже довольно разнообразны – от научных монографий, учебников до продукции массовой культуры (исторические интернет-ресурсы, публицистика, фильмы, спектакли, праздники, памятники, музеи и многое другое).

Содержание массовой исторической культуры обусловлено ежедневными событиями, стремлениями и потребностями, составляющими жизнь большинства населения, то есть определенным мейнстримом. Разнообразная историческая продукция только тогда становится элементом массовой исторической культуры, когда она удовлетворяет широкий спрос и существующий социально-политический заказ на интеллектуальный продукт, производимый историком или, например, историческим писателем (теперь есть и такая категория литераторов). Заказ на историю определяется конкретным интересом массового потребителя к тем или иным историческим сюжетам, фактам или их трактовкам. А интересна для широкой публики только та история, которая по тем или иным причинам удивительным образом становится со-

звучной современности, внезапно реализуется в сценарии настоящего времени или актуализируется реальными факторами, определяющими будущие времена.

Никто не думает, что серьезная историческая наука должна отдаваться на откуп рынку, но все-таки в наших условиях каждый ученый должен оправдывать причитающееся ему жалование преданной службой своему работодателю, в качестве которого в большинстве случаев выступает государство. В эпоху СССР идеологический заказ на историю формулировался предельно ясно. Это были исследования приоритетных направлений, определяемых партийной политикой. Например, история международного коммунистического движения, история крестьянства, история пролетариата, история классовой борьбы и подобное. Исследования при этом в основном выполнялись на высоком профессиональном уровне, о поддержании которого заботилась власть, отчетливо понимавшая, что профессионализм советских историков не должен уступать научному уровню буржуазных ученых. Поэтому, не вызывает удивления, что многие, теперь уже ставшие классическими, работы советских историков, многократно переводились на иностранные языки, были известны за рубежом и зачастую высоко оценивались зарубежной научной общественностью. Важность распространения работ советских историков за рубежом отчетливо осознавалась властью. Как известно, с 1931 г. центральным издательством в системе Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли являлся «Прогресс». Это издательство выпускало советскую литературу гуманитарного профиля, в том числе и по истории, на иностранных языках.

В начале современного переходного периода, отсутствие хотя бы внятной идеологемы социального развития, свело практически на нет значимость для государства исторического познания. Что незамедлительно сказалось на положении исторической науки и образования. Теперь индикаторами эффективности в историче-

ской науке стали самые неудачные западные образчики критериев оценки профессионализма – наукометрические принципы. Не важно, какие темы избираются в качестве исследовательских, даже не столь важен научный уровень изучения этих тем, не важна апробация в системе профессионального образования... Для оправдания статуса важно только одно – сколько статей ученого опубликовано в «избранных» ваковских изданиях и сколько из них попали в «престижные» российский и международные индексы цитирования. Напомним, что публикации в большинстве современных ваковских изданий являются коммерческим предприятием и организируются по принципу: «Сколько заплатишь столько и напечатают». Дальше этот же принцип продолжает действовать при принудительном участии в значительной степени коммерциализированном предприятии под названием «Российский индекс научного цитирования». Очевидное экономическое принуждение осуществляется властью, которая является распорядителем основного фонда финансирования науки и средств, выделяемых ученым из государственных научных фондов. Если довести эту схему до логического завершения, тогда получается, что вполне реальные шансы считаться эффективным ученым имеет не лучший в профессии, а тот, кто соблюдает формальные параметры новых правил игры, не более того. По сути, всю эту ситуацию с формализацией оценки научных исследований можно расценивать как одно из следствий самоустранения государства от реального заказа на историю. И тут, видимо, самое время напомнить цитату из почти десятилетней давности статьи Э.Д. Фролова, посвященной античным историкам: «Приходится признать, что труд историка в античную эпоху (как, впрочем, и во все времена) оплачивался по высокой шкале только в том случае, когда он служил на потребу политики»².

² Фролов Э.Д. 2006, 1-14.

С другой стороны, нельзя не согласиться и с французским историком А. Лильти в том, что «если и есть бесспорное общее место в методологическом дискурсе историков, то это противопоставление концептов, возникших в самих изучаемых обществах, концептам историков, то есть интеллектуальным средствам, позволяющим описывать реалии прошлого путем их объективации»³. В выборе историками концептов реконструкции прошлого сформулированный извне «заказ» играет едва ли не ведущую роль. По той простой причине, что любой запрос на историю, проявления ее социальной востребованности так или иначе формализуются в виде значимого «заказа», исходящего от власти, носителями которой могут быть различные социальные институты. Причем, не следует понимать термин «заказ» буквально, его модус может обнаруживать себя самыми разными способами, вплоть до движения *ad contrarium*. С другой стороны, социальный заказ может исходить и от историка, от автора, гениальность или мудрость которого обнаружит этот социальный «заказ», сделает его очевидным для власти.

Научные статьи, представленные в сборнике, объединены по тематическому принципу в три основные раздела. Первый посвящен «заказу» на обращение к прошлому в социокультурном пространстве общества и включает в себя исследования разных исторических периодов и стран – от средневековой Франции до России XX века, разных тем и сюжетов. К проблеме формирования образа истории в интересах реальной политики нас обращает ряд статей. Например, Р.М. Асейнов анализирует, каким образом политическая конъюнктура, сформированная властными амбициями Бургундского двора XV в., повлияла на отбор и оценку источников при написании «Хроники» Жоржем Шатленом.

<http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1352390636> (Дата обращения 06.06.14).

³ Лильти А. 2013, 171-195.

Откликом на своеобразный «заказ» культурного пространства эпохи Возрождения Н.И. Девятайкина считает восстановление Фр. Петраркой на основе прошлого списка «мест» исторической и культурной памяти для европейцев наступающего раннего Нового времени. Именно этим она объясняет столь широкую популярность трактата «De remediis».

Г.В. Бакус на довольно своеобразном комплексе источников – демонологических трактатах – показал, что история оказывается неотъемлемой частью рефлексии наиболее злободневных социальных проблем.

М.П. Айзенштат показала, что в английском обществе XVIII в. история становится прежде всего неотъемлемым и важнейшим фактором культурной жизни общества, отражающимся в широком интересе массовой публики к ярким историческим сочинениям Г. Болингброка, Д. Юма, К. Макколи, У. Годвина, Э.Гиббона, Э. Берка, Т. Пейна и других; в интенсивном проникновении истории на страницы прессы – в газеты и журналы; в активизации привлечения истории, в силу ее дидактической составляющей, в сфере философии. И только после того, как историзация повседневной жизни англичан стала очевидным фактом, история начинает интенсивно использоваться в качестве политических аргументов в сфере политики (в частности, в парламентских дебатах). Безусловно, она выступает проводницей политического «заказа» той или иной партии.

Л.В. Байбакова прослеживает, как исторически формировался миф об американской исключительности, сегодня определяющий основные векторы и способы реализации международной политики США и направления геополитики.

Условия и особенности востребованности прошлого различными слоями российского общества середины XIX века, так или иначе оказывавших свое влияние на власть, рассматривает в своей статье Н.М. Селиверстова. Ее статья как бы подтверждает слова М. Фуко, что «дискурс – а этому не перестает нас учить история –

это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть»⁴.

Причудливым образом в послевоенный период в СССР по горизонтали история – власть, преломляются гегемонистские амбиции создания империи, столь широко известные западноевропейскому Средневековью. Власть в западноевропейских империях стремилась к своеобразному «присвоению» исторического наследия завоеванных территорий; прошлое территорий, включенных в состав империй, трактовалось властью как своеобразный трофей. В Советском Союзе же власть пошла по пути замалчивания, явно негативной оценки прошлого или «запрещения истории» северной части Восточной Пруссии, включенной в состав РСФСР как Кенигсбергская (Калининградская) область. Парадоксы такого «освоения» истории властью изучает И.О. Дементьев в своей статье.

Идеологический «заказ» власти на историю наиболее очевидно «читается» в схолярных практиках. М. Ферро наглядно показал, каким образом в Германии через задачи, формулируемые властью перед историческим образованием, реализовывались воспитательные функции истории⁵. Влияние власти на преподавание истории в школе в нашем издании представлено на примере всего лишь нескольких исследовательских тем, касающихся советских учебников довоенного времени и последнего сталинского десятилетия, современных казахстанских учебников, а также роли православной парадигмы в изучении отечественной истории.

В третьей части сборника затрагивается довольно важная проблема идеологизации профессиональной исто-

⁴ Фуко М. 1996, 52.

⁵ М. Ферро. Как рассказывают историю детям в разных странах. URL: http://scepsis.net/library/id_924.html (Дата обращения: 06.06.14).

риографии военной истории, ясно отражающей и довольно часто реализующей политические «заказы» власти.

Представляемое издание не претендует на всестороннее осмысление сложных взаимосвязей историописания и власти. Тем не менее, в этой книге мы попытались сформулировать вопросы и предложить ответы на них, используя материалы тех источников и эпох, которыми каждый из нас занимается. На наш взгляд, этот коллективный опыт удался и заслуживает дальнейшего развития.

М. Бобкова

Литература

Бобкова М.С. 2011. История исторической мысли. Люди и тексты. URL:

<http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/04/9f913bbf73a24737adc4df1804071f427dfbd805.pdf> (06.06.2014)

Лильти А. 2013. Как избавиться от цивилизации: об использовании одного концепта // Как мы пишем историю. М.С. 171-195.

М. Ферро. Как рассказывают историю детям в разных странах. URL: http://sceptis.net/library/id_924.html (06.06.14)

Фролов Э.Д. 2006. История и историк в античном мире // Античный мир и археология. Саратов. Вып. 12. С. 1-14. <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1352390636> (06.06.14).

Фуко М. 1996. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М. С. 52.